

17 СЕН от 70.

ПЕРВОЕ впечатление, как известно, самое яркое. А оно после спектакля «Три дня в мае», с которого начал гастроль в Свердловске Саратовский драматический театр, был явно в пользу актера Ю. Сагьянца.

И это тем более важно отметить, что драматургический материал, сказавшийся в распоряжении исполнителя роли главаря анархистов, грешил и примитивностью, и легковесностью, и штампами. Авторам пьесы этот разухабистый персонаж виделся, видимо, эдаким полупереточным «братишкой» в бесхозырке набекрень. Жаргонные словечки, папирочка в углу губ, походочка вразвалку... В общем, еще одна «зловредная тень прошлого», скроенная по хорошо известным превращенным образцам.

Не скажу, что Сагьянец полностью перешагнул через подводные рифы пьесы В. Андреева и С. Розанова. Но то, что ему удалось временами сделать характер своего героя серьезнее, глубже и достовернее — не подлежит сомнению. Манеры «морского волка», ужимочки, плевки — все это у актера «ловко надетая маска». Взгляд маленьких прищуренных цепких глаз выдает натуру иную. Главарь анархистов знает, что шутки с большевиками плохи, что участь его и его отряда предрешена. Значит, надо все время держать ухо востро, выиграть время, набрать побольше, а там — ищи ветра в поле!..

При этом Сагьянец не боится внешних заострений, ярких, контрастных красок. Его «матросик» наделен зычным голосом и увесистыми кулаками, верит в свою власть и силу, и откровенно бахвалится ими. Есть в этом громила страшное и смешное одновременно. И эта полярность характеристик делает образ много живее и достовернее, чем он есть в пьесе.

Короче, первая встреча с саратовским артистом показала, что свердловчане познакомились с мастером сцены интересным и оригинальным, питающим пристрастие к сценическим краскам, броским и насыщенным, одинаково уверенно чувствующим себя и в сфере острых драматических столкновений и в области комедийных, сатирических конфликтов.

Последнее обстоятельство, судя по всему, выше всего ценится режиссурой и руководством театра имени Карла Маркса. В дни свердловских гастролей Сагьянец появляется на подмостках в ролях, тяготеющих преимущественно к искусству смешного. С мягкой и доброй улыбочкой рассказывает он нам о невероятных приключениях доктора Лукашина, которого подвыпившие друзья отправили по ошибке в канун нового года не на московскую квартиру, а... в Ленинград. Немало забавных человеческих черточек подмечено Сагьянцем в старшине Кузвкове из «Соловьиной ночи». Хотя и в этих двух ролях актер остается верен своему творческому кредо. Нигде смешное не существует для него как самоцель. Везде комедийные грани подчинены цели — оттенить серьезное, значительное и важное во внутреннем мире героев. Вот почему такие симпатии с первых же минут спектакля о победе над фашистской Германией завоевывает строгий, но очень образованный, но справедливый, по-отечески внимательный к солдатам старшина Кузвков. Вот почему даже в пустяковом водевиле «С легким паром» Сагьянцу удается успеть познакомить нас не только с доктором Лукашиным, нерешительным и не в меру застенчивым, но и раскрыть в нем благородство, честность, отзывчивость души...

И все же хочется поспорить с театром по поводу не сколько «однобокого» использования дарования артиста. Замечено, что актеры комические часто способны на взлет трагедийных страстей. Мне думается, что и Сагьянец

Актеры и роли

ТВОРЧЕСКИ ПРИСТРАСТЕН

из числа таких исполнителей. После «Трехгрошовой оперы» Брехта предположения стали твердой уверенностью.

Я не собираюсь закрывать глаза на отдельные промахи исполнителя роли Мэххита и спектакля в целом. То ли в силу прошедшего со дня премьеры времени, то ли в силу других обстоятельств «Трехгрошовой оперы» у саратовцев подчас теряется те необходимые ей парадоксальности и острогу, какие свойственны почерку Брехта. Начинают непомерно выпирать «прелести» блатного мира и прочие частности, мешающие четкому и негодующему раскрытию главной мысли пьесы, пронизанной ненавистью к миру богатых и сытых.

Однако при всем том, нельзя не заметить и не оценить своего, особого взгляда на главного героя «Трехгрошовой оперы», который есть у театра и у исполнителя. В этом плане спектакль саратовцев — одна из немногих постановок, где Мэххиту начисто отказано в каких бы то ни было симпатиях.

Мэххит-нож у Сагьянца — достойное «дитя» окружающего мира. Он не просто заражен «бациллой» эгоизма, стяжательства, жестокости. Он живет по этим законам, которые вполне устраивают его. Потому-то и Мэххит у Сагьянца готов расстаться с жизнью без сожалений, когда игра проиграна, когда победу одерживает более сильный и ловкий Пичем... Не случайно в сценах перед казнью актер заставляет своего героя без особого удивления воспринимать вести о предательстве друзей, вероломстве жены. Все логично, все и должно было именно так произойти.

Человек-машина, робот без чувств и колебаний... Да, такой Мэххит — страшен. Тем беспараллельнее приговор, вынесенный действительности, его породившей. И тем, стало быть, отраднее успех художника, сумевшего уловить и передать беспощадность Брехта к героям оперы, стоимостью в три гроша.

Во время брехтовского спектакля я невольно представил себе Сагьянца в ролях, типа... Впрочем, не в конкретных названиях дело. Важно, что актер способен на большее, чем сейчас. Так что подождем новых встреч. А там, смотришь, — желаемое станет действительным.

Л. АЛЕКСЕЕВ.
На снимке: заслуженный артист РСФСР
Ю. САГЬЯНЦ.

Фото А. Нагибина.